

От редакции

Блокада – это история, которая учит быть смелым, храбрым, находить выход из любых ситуаций и любить жизнь. Жители блокадного Ленинграда стали примером мужества и героизма для многих поколений. Память о подвигах ленинградцев сохранилась и в наше время.

Во время блокады не прекращали работать школы и заводы. Дети 12-13 лет после школы, а иногда и вместо уроков шли работать на завод. Полуголодные, ослабленные они работали наравне со взрослыми, чтобы обеспечить фронт снарядами и военной техникой.

Несмотря на голод, свою работу продолжали театры, даря жителям хоть немного радости. Иногда спектакли заканчивались на грустной ноте: артисты умирали от голода прямо на сцене.

Люди думали о будущем, думали о том, как сохранить город для будущих поколений. Одним из таких примеров является подвиг ленинградских ученых-растениеводов, которые сохранили уникальные сорта семян растений. До сих пор неизвестно, сколько человек дежурили в институте, но все они получали по 125 граммов хлеба в день. Шатаясь от слабости, ученые охраняли свои «сокровища» от воров и голодных крыс. Благодаря их стараниям, после войны из спасенных семян удалось вывести новые сорта и виды пшеницы, бобовых культур и овощей. Люди с «большой земли» старались помочь блокадному городу. Ленинград был окружен. Зимой единственным путем для въезда в город была замерзшая река Ладога. С первым льдом обозы лошадей и машины везли муку в город и возили ее до самой весны. Даже когда лед начал таять, водители везли мешки с мукой. Они рисковали собственной жизнью ради жизни ленинградцев.

Читая историю о блокадном Ленинграде, не перестаешь удивляться мужеству и храбрости, отваге людей. Не смотря на трудности, они верили в завтрашний день и продолжали радоваться жизни, оставаясь добрыми, отзывчивыми, сохраняя любовь и заботу к ближнему.

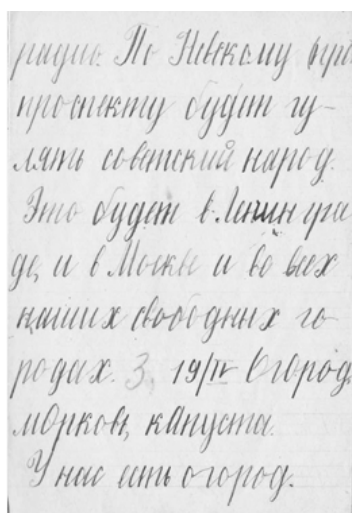
Зайцева Ксения, 5 "В"



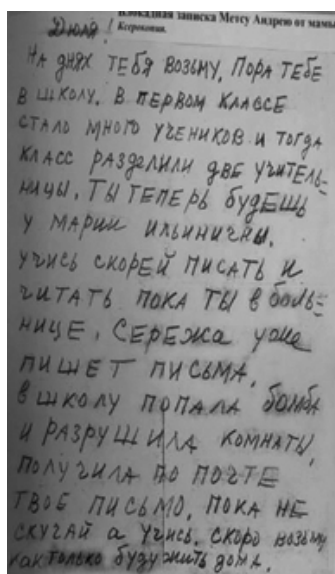
Коллаж С.Ларенкова



Андрей Рихардович Метс
(1933 - 2005),
первоклассник блокады,
дарит Музею истории школы
свои блокадные тетради



Страничка из тетради
Андрюши Метса



Записка мамы
Андрюше Метсу

Первоклассники, в школу!

(Отрывок из воспоминаний)

В 1942 году в школах Ленинграда снова начались занятия, но только поздней осенью, в октябре. Мне было 9 лет, и я первый раз пришел в первый класс.

Наша 138-я школа находилась на улице Михайлова. Эта улица часто подвергалась обстрелу, потому что рядом были Финляндский вокзал и завод, который работал для фронта.

Учительница Анна Алексеевна Клокова строго-настрого запретила нам, своим перво-классникам, приходить в школу во время обстрела или воздушной тревоги. Да разве кто из нас боялся тогда бомбежки?

Только отошел я как-то от дома, началась воздушная тревога. Я решил перехитрить всех дежурных МПВО и милиционеров. Шмыгнул в проходную дома № 3 по Финскому переулку, а вышел с другой стороны на улицу Комсомола. Гремели взрывы у Военно-медицинской академии, я пробежал два дома и встретил в подворотне одноклассника Игоря Данилова. Вдвоем мы выбрались к Финляндскому вокзалу и побежали. Сыпались струйки сухого песка из мешков, укрывших памятник В. И. Ленину. На пустой привокзальной площади остались только вещи тех, кто должен был эвакуироваться из города.

Радио отстукивало частые удары, свистел милиционер в каске-тарелке, а мы притаились за чьими-то вещами. Бомба разорвалась где-то за школой. Вдруг из-за кучи мешков и тюков высунулась закутанная в тряпки голова. Это же Цыганок! Самый младший ученик в школе. Он так обрадовался нашему приходу, что не мог выговорить слово «эвакуация». Он говорил «акуаемся» – значит «эвакуируемся». Мать его пошла за кипятком на вокзал и застряла там из-за обстрела.

Мы дождались, пока его мать вернется, и пошли в школу. Там уже собралось много ребят – всех привел голод. А ведь бомбили совсем недалеко – Арсенальную набережную, улицы и заводы в районе Кондратьевского проспекта.

После завтрака нас повели в заводское бомбоубежище. Оказалось, там горит электрический свет. Вот радость! Тогда в городе еще жили при коптилках и самодельных свечах.

Юра Маланов сразу же занял светлый угол, достал тетрадку и принялся рисовать. Сначала Юра рисовал танки. Если они выходили очень плохими, то он помечал их фашистскими крестами и свастиками. Хорошие и правильные танки были обяза-

зательно наши. Они побеждали. Такие же были у Юры самолеты и корабли.

Земля содрогнулась, все здание как бы подпрыгнуло. Свет погас. Все вскочили, но тут же повалились друг на друга. Девочки кричали одна громче другой. Чтобы их успокоить, отвлечь нас, Анна Алексеевна предложила петь песни. Мы запели «В бой за Родину» и в самом деле мало-помалу успокоились.

Открылась дверь, и с фонарем вошла к нам в отсек директор Надежда Андреевна Малинина. Она нас похвалила за то, что мы не трусим, посидела немного и, согнувшись, пошла в свете своего фонаря дальше. Ее все уважали. Где бы ни появлялась Надежда Андреевна, сразу воцарялись образцовый порядок и дисциплина. Она знала в лицо каждого. Ее видели в школе с утра и до позднего вечера.

В начале зимы 1942/43 года нам, первоклассникам 138-й школы, объявили: фронту нужны бутылки. Все отчетливо сознавали, что значит в военном деле обычная бутылка. Каждый мальчишка готов был с такой бутылкой идти в атаку на вражеский танк, чтобы собственной рукой поджечь ненавистного фашиста. Бутылки с горючей смесью – то же самое, что гранаты, применяемые против танков, для поджога вражеской техники, складов, мостов.

Вскоре в проходе в первом этаже школы громоздились громадные корзины, ящики и корыта с пустыми бутылками. Грузовичок-полуторка увез на завод полкузова наших бутылок, чтобы потом снабдить бойцов и партизан необходимым оружием.

И мы радовались, что хоть немного, да помогли фронту.

ул. Михайлова, д.17.
Второй блокадный адрес нашей школы

ГОЛОДНАЯ УЧЕБА

К дистрофии прибавилась еще и цинга. От нее стали давать по полстакана мутного зеленого хвойного настоя. Пили не все, но находились любители, выпивавшие за троих. Анна Алексеевна замечала тех, кто не пил, а на уроках сидел и зубы свои раскачивал. В столовой она насильно влиwała им в рот противощинготный настой.

Ученика 5-го класса Ключева с трудом поднимали по лестнице на третий этаж. Нашей учительнице тоже стали помогать, когда она шла по лестнице. И из других классов учительницы друг друга держали под руки. Голод брал свое.

Я очень ослаб, стал пропускать занятия и наконец оказался в больнице для детей. Болезнь у всех была одна: дистрофия. Не помню, на какой стадии у меня ее признали, но увидел я в больнице таких дистрофиков, что и не снилось. Кожа, натянутая на скелет, а человек живет и еще в игрушки играет.

Из записки матери я узнал, что в нашу школу попала бомба. Это было в феврале 1943 года.

*Рассказ с воспоминаниями А.Р. Метса
о блокадном детстве опубликован в сборнике
«Был город-фронт. Была блокада».-
Ленинград, «Детская литература», 1984 г.*





Первые месяцы войны

(Отрывок из воспоминаний)

*Ким Леонидович Егоров (1926-2016),
выпускник нашей школы.*

*Во время Великой Отечественной войны был
стрелком-радистом в 109-м бомбардировочном
авиационном полку.*

В субботу 21 июня я получил аттестат за 7-й класс с табелем. А в нем две «тройки». Отец увидел их и говорит:

– Две «тройки»! Будешь готовиться и мне сдавать. Пока не сдашь, будешь сидеть дома. Завтра отдохнешь, а с понедельника – заниматься.

Вот такие у меня перспективы были. В воскресенье поехали в ЦПКО отдыхать. Музыка играла. Настроение было приподнятое. Покатались на американских горках. Приезжаю домой, отец открывает дверь и говорит:

– Кимочка, война! Немцы напали, это всерьез и надолго.

А дальше я его стал редко видеть, и переписки с ним не было. Он был где-то на Карельском перешейке.

После начала войны весь город перетраивался – крыши и стены камуфляжно покрасили, натянули сетки, стекла и витрины, памятники закладывали мешками с песком. Потом стали оборудовать бомбоубежища и копать щели.

Мы стали обустривать дом: наклеивали на окна ленточки, заносили на чердак песок, инструмент, деревянные стропила покрывали противопожарным составом. У нас сделали на крыше площадку под пулемет, но так его и не поставили. Я тогда первую рану получил, наступил на гвоздь, торчащий из доски, гвоздь проткнул подошву, и в ногу вошел.

Наши окна на Нижегородскую (ныне улица Лебедева) выходили. Ночью солдаты идут строем – топ-топ, топ-топ. Всю ночь. Трамваи солдат везут. И всё на юг.

Тревоги объявляли, но бомбежек пока не было. Они начались в августе. Слухи дошли, что на Староневском проспекте дом разрушили. Поехали туда на трамвае посмотреть. В журналах, в кино мы видели такое, а тут в натуре – три этажа разрушено!

8-го сентября, вечером, часов в пять, полшестого – «Тревога». Зенитки шпарят, по ушам бьют. Выскочили на крышу. Осколки свистят, по кровле грохот. К трубе прижались и смотрим. Над Невой «девятками» немецкие самолеты летят. Зенитки шпарят по ним. Разрывы кругом...

Появился дым. Сперва подумали, что по Неве буксир идет, а он все сильнее и сильнее... И всё заволакивает. Позднее узнали, что это разбомбили Бадаевские склады...

Это была первая серьезная бомбежка. А потом разбомбили Зоологический сад, горели американские горки.

С 6-го сентября я стал работать. Поскольку занятия в школе не начались, болтаться без дела в военное время я считал неприличным. Мать разрешила мне ухаживать за ранеными. Я фотографией тогда увлекался и мне предложили работу в рентген-кабинете. Обучили готовить проявители, закрепители, проявлять пленки, настраивать аппарат.

Поработал недельку, и рентген-техник заболела. А раненые-то поступают... И я быстро научился работать за рентген-техника. Как «Тревога», раненых в бомбоубежище. «Отбой» – раненых обратно. Новых раненых привезли – надо делать рентген. Везу в кабинет. Вот такая работа у меня была.

Мать была на работе круглосуточно, и я часто на работе ночевал.

В нашей квартире жили: я, обе бабушки, двоюродная сестра. Родная сестра уехала в Свердловск еще в июле.

Со временем мы перестали «по тревоге» бегать в бомбоубежище – «тревог» стало столько, что не набегаешься. Окна заделали щитами, чтобы со двора не разбили стекла, и чтобы осколками не повредило.

Продукты по карточкам получали. Изредка отец приезжал и от своего пайка выделял что-то...

Утром 26-го ноября раздался телефонный звонок:

– Майор Егорова? Через час с членами семьи быть с вещами... (я не помню, «где»). Не больше 16 килограмм вещей на человека...

И все. А что, куда, как? Не ясно...

Собрались: я, мама и бабушка. Оделись потеплее, чтобы вещей в руках меньше было. Документы взяли. И сухарей немножко. Нас привезли в Ковалево, аэродром Смольный, теперь это Ржевка, выгрузили. Сидим, ждем. Тихо. Холодно. Пасмурная погода, низкие облака. И, наконец, часов через пять садятся три самолета Ли-2.

Через некоторое время нас пригласили на посадку:

– Идите к самолетам. По двадцать человек на самолет.

Загрузились и на взлет. Летели на малой высоте, облачность низкая, погода пасмурная. Над лесом, потом над Ладогой, на другой берег перелетели, долетели до Хвойной. Всех укачало настолько, что пассажиры выйти не могли, вывалились и легли на землю. А я более-менее держался. И еще служивый один. И мы с ним все вещи покидали с самолета вниз, потом людей выгружали. Вот так мы в эвакуацию из Ленинграда выехали. Это был мой первый полет в жизни.

*Ким Леонидович Егоров,
ученик школы №138*



Встреча Кима Леонидовича Егорова с учащимися нашей школы

Нам она казалась взрослой-взрослой

(Отрывок из воспоминаний)



С сентября 1942 года по октябрь 1945 года Тамара Ивановна Копачева (Бечик) работала учителем младших классов 138 школы.

За участие в героической обороне Ленинграда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.12.1942 г. награждена медалью «За оборону Ленинграда», в 1946 году награждена медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны», в 1952 году – медалью «За трудовое отличие», в 1956 году – медалью «В память 250-летия Ленинграда» и другими юбилейными медалями.



Мне и моим одноклассникам очень повезло: наша первая учительница была всего на девять-десять лет старше каждого из нас. А мы были теми самыми блокадными семилетками, которых записали в школу еще перед войной, а собрали в классы – тех, кто пережил голодную страшную зиму, – только в мае 1942 года. И начали учить.

Учительнице нашей, Тамаре Ивановне Копачевой, было тогда всего 19 лет, она только-только закончила педагогическое училище. Но нам она казалась взрослой-взрослой, даже старше наших мам.

Все школьные помещения во время войны были превращены в госпитали, и мы начали наши занятия в каком-то наскоро приспособленном здании на улице Михайлова, возле Финляндского вокзала.

Было нас немного, с большой округи набрали всего один первый класс. Да и потом, за нами, набирали классы «а», «б», «в». а мы так до конца и были один только «а». Электричества в первый год занятий в школе не было, над доской висела керосиновая лампа, и, пока не рассвета и в тетрадках работать было нельзя, писали на доске или слушали, что рассказывает Тамара Ивановна.

В холодные месяцы, а, кажется, холодно было всегда, в классе топили печки. Учитель-

ницы, что помоложе, ездили куда-то и привозили бревна и шпалы. Сгружали их во дворе, а потом ребята носили колотые дрова в классы и складывали поленьицы за печками. Затопленная печка, оказывается, представляла особую опасность: за топкой надо было глядеть в оба. Пронырливые наши мальчишки норовили – для эксперимента – подбросить в огонь патроны, ими были набиты их карманы и портфели.

Тамара Ивановна жила на Большой Охте, как раз там, где теперь, прямо против Смольного, высится дуга многоэтажных зданий, окаймляющих берег. Нева здесь делает крутой поворот, и, если смотреть по прямой, то кажется, что Арсенальная набережная от Охты совсем близко. Оно и действительно так. Блокадными зимами река крепко замерзала, и протоптанные по льду дорожки сокращали путь тем, кто пешком (а как иначе?) добирался до работы. По этой ледовой прямой, с Большой Охты в нашу 138-ю школу и спешила каждое утро Тамара Ивановна и молила в темноте и холоде: «Только бы не начался обстрел! Только бы не бомбили!» Страшно было утонуть в ледяной воде.

Сами пешком в той же темноте добирались в школу со всех концов большого района. И как бы рано ни пришли, всегда уже видели

в классе нашу Тамару Ивановну.

В свои 19 лет наша учительница была уже с сединой. В блокаде она осталась с младшим братом. В марте 1942 года, в одном из самых страшных, бескровных месяцев, она проснулась утром и увидела, что ее брата, пятнадцатилетнего мальчика, уже нет в живых. И еще добавлялись белые прядки, когда на уроки кто-то приходил с заплаканными глазами: с фронта шли похоронки, все больше наших одноклассников оставалось сиротами.

Наше горе было ее горем, а о своем она никому не говорила. О том, что от отца с фронта нет вестей. О том, что в Брянске, под немцем, оказались мать и младшие из семьи, и что стало с ними – неизвестно. Она учила нас, нет, не словами, не призывами, а собственным примером мужества и спокойствия, трудолюбия, честности, взаимопомощи.

Детские воспоминания отрывочны и, на первый взгляд, случайны. Но запомнилось – значит, запало навсегда. «Выучите стих хорошо: завтра, кто лучше всех ответит, будет читать его раненым в госпитале», – говорила Тамара Ивановна, и мы зубрили весь вечер. «Урок труда, рукоделия – очень важный. Мы шьем кисеты, чтобы их послали на Фронт», – объясняла Тамара Ивановна тому, кто не умел держать иголку в руках. И мальчики переставали стесняться «девчоночьего занятия».

Вспоминаем мы новогодний праздник, который устроили нам в районном дворце культуры в канун 1943 года. Всем раздали талончики на подарки. А когда мы встали в очередь получать пакетик с конфетами-бомбошками и печеньем, оказалось, что у одной из нас талончик пропал. Она в слезы. «Не беда, – сказала Тамара Ивановна, – давайте каждый отдаст всего по одной конфетке и получится подарок от всех вас!»

И до сих пор, когда кому-то из нас очень-очень плохо, мы помогаем попавшему в беду. Нелегко, ох, нелегко живут сегодня мои сверстники-одноклассники, но кто чем можем – и словом, и делом – поддерживают друг друга.

После войны Тамара Ивановна преподавала русский язык и литературу в школе. И сколько же ее выпускников не забывают ее до сих пор!

Все мы «вышли в люди» из тех страшных лет нашей начальной школы жизни. Тех лет, навсегда согретых для нас Тамарой Ивановной. Тех недетских лет, которые закончились для нас салютом в честь снятия блокады в январе 1944 года.

*Мария Александровна Ильина,
первоклассница 1942 года*



Урок в бомбоубежище

Тамара Ивановна Копачева (Бечик) до самой смерти в 2002 году поддерживала отношения со своими учениками, они часто собирались у неё дома. В нашем музее хранится ЗАВЕТ Тамары Ивановны новым поколениям, написанный ею от имени учеников блокадного I «А» класса.



«27 января 1944 года – день освобождения от блокады Ленинграда и 30 лет и 40 лет, и 50... пройдёт, а нам от той зимы не отогреться. 900 дней блокады большого города – такого не знает история! Нам вспоминать об этом трудно, и нету сил, чтоб позабыть. Мы (наш 1 класс 138 школы блокадной поры) надеемся, что это необходимо в наше нелёгкое время, когда растут Иваны, не помнящие родства и своего прошлого.

Всё меньше остаётся тех, был участником обороны города, был свидетелем праздничного салюта 27 января 1944 года, у кого остались личные воспоминания о страшных 900 днях блокады, у кого еще можно спросить, как же всё было на самом деле, как выжили, как сохранили наш прекрасный город.

27 января 1944 года навсегда останется праздничным, светлым, добрым днём для каждого из истинных ленинградцев – петербуржцев, даже если родились они спустя 20,30,40,50... лет после окончания Великой Отечественной Войны.

Как горько пережившим блокаду слышать от молодых упрёки и недовольство, а то и просто забвение тех, кто защищал наш город ценою своей жизни или жизни своих родных и близких. К сожалению, героическое в общественном сознании сейчас превратилось в обыденное: и защитники, и труженики, и дети блокадного города оказались отодвинуты на обочину нашей жизни.

Участники обороны Ленинграда – это люди, на долю которых выпали столь тяжкие испытания и лишения, они по-прежнему с нами, и ещё не поздно поговорить с ними, послушать их и попытаться понять, что же такое было в этих людях, что позволило им выдержать лихие испытания, оказаться достойными испытаний. Голод, холод, смерть близких, бомбёжка, арт.обстрелы, разрушенные дома – всё это было рядом каждый день и у детей тоже. Вы, следующие поколения, можете и должны ими гордиться.

Но, поздравляя ветеранов-блокадников с праздником, не будем забывать, что внимание им надо оказывать не только в январе, да в мае.

Им очень тяжело живётся. Именно на них сказались последствия перестройки, антигуманной экономической политики 90-х годов. На них снова выпал главный удар. И то, что они не жалуются, нас не извиняет. Чуть-чуть нас может извинить лишь тепло и внимание к поколению победителей, может быть, самому замечательному поколению в истории Отечества. Низкий им поклон! Спасибо им всем! От имени блокадников и моих учеников обращаюсь к идущим за нами поколениям. Любите Родину, наш город, свою школу, родителей так же, как мы, а может быть, ещё сильнее.

Люди! В забвении горьком и в славе
Юные, старые – всё равно
Помните, помните, просто нам права
Это забыть не дано.
Будьте достойны, будьте достойны
Памяти их и бесстрашия их

По просьбе учащихся 138 школы блокадного времени учащимся, обучающимся в 138 школе в 1999-2000 учебном году.

В. Вольтман-Спасская

По воду

Я в гору саночки толкаю.
Еще немного – и конец.
Вода, в дороге замерзая,
Тяжелой стала, как свинец.

Метет колючая пороша,
А ветер каменит слезу.
Изнемогая, точно лошадь,
Не хлеб, а воду я везу.

И Смерть сама сидит на козлах,
Упряжкой странною горда...
Как хорошо, что ты замерзла
Святая невская вода!

Когда я поскользнусь под горкой,
На той тропинке ледяной,
Ты не прольешься из ведерка,
Я привезу тебя домой.

1942г.



Алексей Пахомов. За водой



Свеча памяти. Возложение цветов у памятника "Блокадная прорубь"

Книжная полка

Война, блокада, я и другие.**Мемуары ребенка войны***(Отрывок)*

Людмила Васильевна Пожедаева родилась в 1934 году. После войны окончила университет. За свои заслуги получила почётную награду (знак общественного признания) «Золотое сердце». Блокада началась в то время, когда ей было всего шесть с половиной лет. При первой эвакуации летом 1941 поезд с детьми, в котором она ехала, был разбомблен немецкой авиацией. Чудом спасшись, она, контуженная, попала в Ленинград. Здесь ей предстояло пережить страшную зиму 41-42 перед тем, как её эвакуируют.



Голод – это страшно, это необъяснимо. Это совсем не то, когда ты просто проголодался. Это постоянная медленная пытка, когда ты готов есть то, что несъедобно, грызть то, что не грызется. Сейчас невозможно даже представить, что тогда я съела у мамы все нитки – и катушечные, и мулине. Сначала я ела только белые нитки. Потом – цветные. Черные нитки были последними. Нитки я скатывала в комочки и сосала их. Это было почти вкусно. Правда, нитки пахивали не то керосином, не то машинным маслом, которым мама смазывала швейную машинку. Высосав из комочка привкус, я долго перетирала его зубами и только потом глотала. Обгрызала даже карандаши до самого грифеля. У них тоже был своеобразный привкус. Но щепки от

них я, естественно, не глотала. Сейчас кому рассказать об этом – не поверят. А однажды мама нашла на шкафу, где она до войны хранила мыло и спички, небольшой газетный сверточек. Когда мама развернула его, радости нашей не было границ. Там было около чайной чашки манной крупы, которой мама до войны чистила свои белые фетровые боты. И как только крысы и мыши ее не учуяли! Крупа была, естественно, грязной. Но это была такая мелочь! Мы ее перебрали от видимого мусора. Потом мама насыпала понемногу крупы на чистое полотенце, и накрыв ее второй половинкой, аккуратно простирала ее. Потом в маленький ковшичек, в котором она до войны варила кашку маленькому брату, налила кипяточку и, забелив его, прокипятила чайную ложечку манки. Эту мутную водичку мы выпили с нечеловеческой жадностью. Но после нее есть захотелось еще больше. Но все же это не нитки и карандаши...

Уходя, мама разделила крупу чайной ложечкой и пересыпала эти крошечные порции в пустые пузырьки из-под лекарств и сказала, чтобы я заваривала себе кашку один раз в день и только из одной бутылочки. Это ужасно! Тогда я целыми днями сидела или лежала перед открытой дверцей шкафа, где на полке стояли в ряд пузырьки с крупой. Это



была очередная пытка. Мне хотелось съесть все сразу. И это было невыносимо. Эта грязная крупа с множеством ворсинок от бот была временным и коротким спасением в этом крошечном голодном аду. Пузырьки дразнили меня, но мама сказала, что если я съем все сразу, то я могу отравиться или у меня будет заворот кишок, и я буду мучиться от боли... И я терпела...

Хорошо, что никто и никогда не будет читать эту мою исповедь. Хорошо, что никого не надо будет убеждать ни в чем. Кто пережил настоящий голод, тот знает, что это такое, а кто не пережил, он все равно не поймет.

Однажды во время обстрела Кировского завода мама не пошла в убежище и осталась в цехе. Снаряд попал в стену, и осколки кирпичей поранили маме лицо, голову и руки. Ее

на несколько дней отпустили домой. Дома чаще стала топиться буржуйка. В чайнике, укутанном одеялами, дольше сохранялся кипяток, да и постель от него уже не была ледяной. Хлеб мама делила на три части – на завтрак, обед и ужин. Одна я Хлеб съедала сразу. У меня не хватало сил оставлять на потом. Был страх, что умру, а Хлеб останется. Я клала крошечный кусочек в рот и не жевала, а держала его за щекой до тех пор, пока ощущала какой-то вкус, и только сглатывала слюну с Хлебным привкусом. Дневную и вечернюю порции мама клала в кастрюльку, а сверху накрывала чугунной сковородкой от крыс и мышей.

*Отрывок из книги Л.В.Пожедаевой
"Война, блокада, я и другие".
Изд-во Каро, СПб, 2015г.*



Рисунки Л.В.Пожедаевой